Слава Зорина

Ты - не мой пациент

Кодекс Веры

Слава Зорина

Ты - не мой пациент. Кодекс Веры

«Автор»
2026

Зорина С.

Ты - не мой пациент. Кодекс Веры / С. Зорина — «Автор», 2026

— Вы психолог? — вопрос девчонки с синими прядями в волосах был риторический. Она сидела в моем кабинете уже минут десять прекрасная понимая, кто перед ней.— Да. — Конечно же я приняла правила ее игры, ответив.— Тогда скажите, это нормально, что папа живёт с нами только по выходным?Она показала фото на телефоне... моего мужа. Он, эта девчонка, теперь глядя на них рядом я поняла, почему она казалась мне такой знакомой, и женщина у него на коленях. Счастливая...Я бросила взгляд на анкету Софии. Пятнадцать лет. Этой девочке — пятнадцать. Значит, практически с самого начала нашего брака он работал на две семьи.Я довела сессию до конца, закрыла за ней дверь и села на пол.Двадцать лет я учила людей спасать свои браки, а мой был мёртв с первого дня.Мне бы сейчас выпить. Или разрыдаться. Или позвонить мужу и сказать всё, что я о нём думаю.Вместо этого я поднялась, села на диван, ожидая нового клиента. Танцовщик из ночного клуба с зависимостью от случайных связей.

© Зорина С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 11
Глава 5 14
Глава 6 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Ты - не мой пациент. Кодекс Веры

Глава 1

Каждое утро я варю кофе в джезве ровно три минуты на медленном огне. Игорь пьет без сахара, я с каплей молока. За двадцать лет этот ритуал ни разу не сбился, и в этом есть что-то успокаивающее, почти терапевтическое.

Игорь сидел за кухонным столом, листая что-то в телефоне. Седые виски, чистый воротник, очки в тонкой оправе. Он из тех мужчин, которые с возрастом не стареют, а как бы приобретают окончательную форму. Кивнул мне, не поднимая глаз.

— Колонку отправила?

— Вчера ночью.

— О чем в этот раз?

— «Пять признаков, что ваш партнер эмоционально отсутствует», — сказала я и поставила перед ним чашку.

Он хмыкнул. Не с интересом, а скорее так, как хмыкают, чтобы обозначить: я тебя слышу, но продолжать не обязательно. Я села напротив.

— У тебя сегодня операционный день? — спросила я.

— С одиннадцати. Буду поздно.

«Буду поздно» могло означать что угодно: от восьми вечера до полуночи. Я давно перестала уточнять. У каждого брака есть зоны, в которые оба партнера молча договариваются не заходить, и расписание Игоря стало одной из таких.

В машине я включила подкаст. Коллега из Питера рассуждал о привязанности, и у него это звучало так, будто он описывал погоду: «тревожный тип смещается к избегающему, создавая зону эмоциональной турбулентности». Я усмехнулась и переключила на музыку. Двадцать лет в профессии учат одному: за умными словами легче всего прятать то, что ты ни черта не понимаешь.

Первая клиентка — Марина. Ей сорок три, и она уже третий месяц в терапии. Пришла с запросом «муж не разговаривает», а на деле боялась, что если он заговорит, то скажет: «Я ухожу». Я слушала, кивала, задавала точечные вопросы, и где-то внутри ловила себя на знакомом ощущении: я делаю это хорошо, механически правильно, ведь знаю, как устроены люди. Конечно же, это ощущение — ловушка, и я его распознаю, но все равно каждый раз падаю в нее.

— Марина, давайте кое-что попробуем. Когда он молчит за ужином, что вы чувствуете? Не думаете, а чувствуете.

— Что меня нет, — сказала она тихо. — Что я сижу напротив него, но меня нет.

Я записала в блокнот «невидимость» и поймала себя на том, что рука замерла. Слово было таким точным, что на секунду показалось, будто я записываю не про нее, а про себя.

После Марины был перерыв, и я набрала Игоря. Два гудка, потом сброс. Ничего особенного, он мог быть на обходе, на совещании или просто задеть экран локтем. Я написала: «Позвони, когда освободишься», и вернулась к записям.

Он перезвонил через несколько часов.

— Прости, встреча затянулась. Что-то случилось?

— Нет, ничего. Хотела спросить, ужинаем дома или ты совсем поздно?

— Скорее поздно. Не жди.

Два взрослых человека координируют расписание, здесь ведь нет никакой драмы или подтекста, так? Я нажала «отбой» и минуту сидела, глядя в стену кабинета. Там висел диплом,

рядом — фото с книжной ярмарки, где я держу свое детище, книгу «Как сохранить брак», и улыбаюсь так уверенно, словно знаю ответ на вопрос, который еще никто не задавал.

До конца дня были еще три сессии с клиентами: супружеская пара на грани развода, подросток с паническими атаками, женщина, которая боялась оставить мужа-алкоголика. Я работала как всегда: собранно, внимательно, с паузами в нужных местах, заставляющими человека говорить больше, чем он собирался. К семи вечера я закрыла кабинет и села в машину с приятным чувством профессиональной усталости, которое Игорь называл «ты опять спасала мир».

Дома было тихо. Я разогрела вчерашний суп, съела половину, полистала рукопись новой главы для переиздания. Это уже четвертая допечатка. Издательство хотело добавить раздел «Кризис середины жизни», и я подумала, что это смешно, потому что ровно в середине своей жизни я сидела одна на кухне и ела суп из контейнера.

Игорь пришел в одиннадцатом часу, поцеловал меня в висок.

— Устала?

— Не очень, а ты?

— Адски.

Он принял душ, лег. Я выключила свет и тоже примостилась рядом. В какой-то момент его рука привычно скользнула по моему бедру коротко, почти вопросительно, как будто он нажимал кнопку, не зная, включена ли система. Я не отстранилась, повернулась к нему, позволила снять с себя футболку. В темноте все было быстро и знакомо: его движения, мое дыхание и руки, прикосновения ровно там, где их ждешь. Минут через семь он уткнулся мне в плечо, выдохнул и почти сразу отодвинулся на свою половину.

— Спокойной ночи, — сказал он.

— Спокойной ночи.

Я лежала и смотрела в потолок, отмечая свои реакции: тело было расслабленным, но не удовлетворенным. Между этими понятиями пропасть, которую я никогда бы не позволила клиентке проигнорировать. Но у чужих пропастей всегда четкие контуры, а свои сливаются с местностью, и ты годами ходишь по ровному, не подозревая, что ровное — это и есть дно.

Мне почти сорок, и двадцать из них я в браке. За плечами книга, которая учит других, как любить. И вот я лежу в темноте рядом со спящим мужем и нагло себя обманываю: наверное, это нормально. Наверное, после двадцати лет все так. Наверное, страсть — это миф, который мы продаем двадцатилетним, чтобы они покупали парфюм, сексуальное нижнее белье и сто алых роз в комплект.

Глава 2

В анкете по предварительному сбору данных было указано: «Чернышев Н. А., 35 лет, пришел, т. к. босс заставил. Агрессивное поведение на рабочем месте, возможное эмоциональное выгорание».

Менеджер клуба, некий Артур, звонил мне накануне и говорил быстро, деловито, с интонацией человека, привыкшего решать проблемы до того, как они попадут в полицейский протокол.

— На самом деле он крут, зарабатывает отлично, клиентки его обожают, но в прошлую пятницу сорвался на одну из них чуть не до скандала. Мне такие истории не нужны, у нас репутация. Я ему сказал: либо к специалисту, либо свободен.

Я попыталась представить себе этого стриптизёра: крупного, может быть, с набитыми костяшками и привычкой сжимать челюсть. Когда работаешь с чужими проблемами, невольно собираешь в голове что-то вроде каталога типажей, и почти всегда ошибаешься, но все равно продолжаешь.

В реальности я, конечно же, ошиблась по всем пунктам!

Высокий — это я заметила первым, потому что он чуть наклонил голову, проходя в дверь, хотя проем стандартный. Темные волосы, убранные назад, джинсы, серый свитер, кроссовки, ничего, что кричало бы «я танцую за деньги в ночном клубе». Лицо спокойное, с той ленивой полуулыбкой, которая могла означать и дружелюбие, и желание максимально отгородиться, держать дистанцию.

— Никита, — сказал он и протянул руку.

Я пожала, села в кресло напротив и кивнула ему на соседнее:

— Располагайтесь. Воды? Чаю?

— Нет, спасибо.

Большинство людей садятся в кресло у психолога одним из трех способов: на краешек (тревога), развалившись (демонстративная расслабленность) или ровно, скрестив руки (оборона). Никита Чернышев как будто стек в кресло: мягко, без напряжения, одним непрерывным движением. Это было… красиво и, конечно же, демонстративно. Я немедленно зафиксировала в блокноте: «контроль тела, высокая кинестетическая осознанность, любование собой».

— Артур мне объяснил, зачем я здесь, — начал он. — Но, честно говоря, не очень понимаю, что мне вам рассказывать.

— Давайте начнем с того, что произошло в пятницу.

Он потер переносицу — первый жест, который выглядел непроизвольным.

— Ничего особенного. Клиентка перебрала, полезла обниматься после номера, я отстранил ее, но она решила, что слишком резко. Артур решил, что проблема во мне.

— А вы?

— А я решил, что на терапию можно и сходить, если начальство платит.

Он улыбнулся легко, обаятельно, с точно измеренным и выданным количеством самоиронии. Я видела эту технику тысячу раз: юмор как щит, обаяние как дымовая завеса, ничего нового. Но исполнение, надо отдать должное, было безупречным.

— Никита, вы понимаете, что я вижу, что вы делаете?

Полуулыбка не исчезла.

— И что я делаю?

— Вы улыбаетесь, шутите, и обычно человек расслабляется, перестает задавать неудобные вопросы.

— Окей, — сказал он наконец. — Допустим, вы правы. И что?

— И ничего. Просто если мы будем тратить время на ваше обаяние, это будут очень приятные и совершенно бесполезные сессии.

Он чуть подался вперед, и я машинально записала: «зеркалит позу». Потому что я сама сидела именно так: чуть наклонившись, одна рука на подлокотнике, в другой ручка. Он повторял мою позу с задержкой в несколько секунд, как будто его тело автоматически настраивалось на собеседника. У хороших танцоров бывает способность считывать чужую пластику и воспроизводить ее. У людей с определенными паттернами привязанности тоже.

— Расскажите мне про ту клиентку, — попросила я. — Что вы почувствовали, когда она к вам полезла?

Он откинулся назад, и отзеркаливание сломалось.

— Ничего особенного, я же сказал. Так бывает каждую вторую смену. Пьяные тетки лезут обниматься, некоторые хватают за задницу, одна как-то пыталась засунуть мне деньги в трусы. Издержки профессии.

— Но в этот раз вы среагировали иначе.

— Мадам не следила за языком.

Я ждала, не подталкивая, просто оставляя пространство, в которое человек может шагнуть сам.

— Она сказала: «Ты такой милый мальчик, жалко, что это все, на что ты годишься». — Он произнес это ровно, без выражения, без кривляния. — Пьяная тетка в стразах, которая три раза назвала меня Костиком, потому что перепутала с другим парнем. Мне должно было быть плевать…

— Но не было.

— Но не было.

Пожалуй, передо мной был мужчина, уставший от того, что его ценность определяется количеством людей, желающих до него дотронуться. И это попало куда-то, куда не должно было, потому что я-то знала, каково это: годами быть функцией, а не человеком. Только мне об этом никто из пьяных теток не говорил.

Я записала в блокнот «защитное поведение, избегание контакта», аккуратно, мелким почерком, как будто фиксировала обычное наблюдение.

— Никита, я хочу, чтобы вы знали: то, что здесь происходит, конфиденциально. Артур получит от меня подтверждение, что вы посещаете сессии, и ничего больше.

— Это вы всем так говорите?

— Всем.

— И все верят?

— Верят, потому что это правда.

Он встал, протянул руку снова, и на этот раз я заметила татуировку, выглянувшую из-под рукава свитера. Я не рассмотрела букв, уходящих вверх по запястью.

— Увидимся, — сказал он.

— До свидания.

Глава 3

Звонок от школьного психолога застал меня между сессиями — я как раз доедала йогурт ложкой из крышки, что само по себе говорило о качестве моего обеденного перерыва.

— Вера Сергеевна, здравствуйте. Это Ольга Дмитриевна Паршина, психолог школы номер сто сорок один. Мне вас рекомендовала Ирина Бельская, мы с ней на одной конференции…

Я терпеливо дослушала цепочку рекомендаций (в нашем кругу это ритуал, без которого никто не передаёт клиентов) и перешла к сути.

— Девочка, пятнадцать лет. Соня Краснова. Неполная семья, отец приходящий. Мать — медсестра, работает посменно. В школе конфликты с ровесниками, вчера подралась с одноклассницей. Физически ничего серьёзного, но директор настаивает на работе со специалистом, иначе грозит постановкой на учёт.

— Что стало причиной драки?

— По словам учителя, одноклассница сказала что-то про её отца. Соня утверждает, что не помнит, что именно. Классический вытесненный триггер.

Я записала имя и номер матери, повесила трубку и доела йогурт. Подростки — не моя основная специализация, но я брала их время от времени, особенно если случай был связан с семейной динамикой. А «неполная семья и приходящий отец» — это всегда семейная динамика, даже если сам отец об этом не подозревает.

Правда, к моему удивлению, мама девочки мне так и не позвонила, зато София пришла сама, пусть даже вошла в кабинет так, будто её затолкали. Всё в её позе кричало: я здесь не по своей воле, считайте, сделала одолжение школе, родителям и даже вам. Ну и предупреждение бежало красной строкой по ее лбу: вам со мной будет тяжело. Невысокая, худая, в мешковатом худи с капюшоном, из-под которого торчали синие пряди, явно покрашенные дома, неровно и кусками, с вызовом, который был адресован, вероятно, кому-то конкретному. В руках — скетчбук, прижатый к груди, как щит.

Она села в кресло, скрестила руки и посмотрела на меня с выражением, которое я про себя называю «бетонная стена»: подросток, решивший, что ни одно слово взрослого не стоит того, чтобы его впустить в свой глубокий внутренний мир.

— Так-то мне не нужен психолог, — первым делом выдала она. — Мне нужно, чтобы от меня отстали.

— Справедливо. Кто конкретно должен отстать?

Она моргнула — видимо, ждала другой реакции. Уговоров, сочувственной улыбки, фразы «я понимаю, как тебе сейчас тяжело». Я давно поняла, что с подростками единственный работающий приём — не пытаться быть их другом.

— Все… Школа. Мама. Ольга Дмитриевна с её дурацкими тестами. Теперь вот вы.

— Ну, я — последняя в списке, так что, может, на мне и закончится. Расскажи про драку.

— А чего рассказывать? Кристина сказала херню, я ей дала. Всё.

— Какую именно?

Соня дёрнула плечом и уставилась в стену за моей спиной — туда, где висела фотография с книжной ярмарки. Я заметила, как её взгляд задержался на обложке «Как сохранить брак», и на секунду мне стало неуютно, хотя рационально объяснить это я бы не смогла.

— Она сказала, что у меня нет нормального отца. Что он типа приходит раз в месяц и валит. И что моя мать — лохушка, которая это терпит.

Она произнесла это ровно, глядя мимо меня, и только пальцы, вцепившиеся в край скетчбука, выдавали, что спокойствие ее напускное.

— И ты ударила её за «лохушку» или за «нет нормального отца»?

Соня перевела взгляд на меня — быстро, цепко, с тем подростковым прищуром, который означает: а вы не такая тупая, как я думала.

— За отца, — сказала она после паузы. — Мама тут ни при чём. Мама… она старается.

Я кивнула и записала в блокнот: «идеализация матери, защита отца через агрессию». Классическая картина: ребёнок, который злится на отсутствующего родителя, но направляет злость наружу, на кого угодно, только не на него, потому что злиться на того, кого и так мало, слишком страшно. Проще ударить Кристину.

— Твой папа — он кто?

— Врач. Главврач клиники. И да, он реально много работает, это не отмазка. — Она сказала это быстро, заученно, и я поняла, что эту фразу Соня повторяла не раз — может быть, подругам, может быть, себе перед зеркалом.

— Как часто вы видитесь?

— Ну… по-разному. Иногда каждые выходные. У него же операции, дежурства, всякое. Мама говорит, он нас любит, просто у него ответственная работа.

Я смотрела на неё и думала о том, скольких таких Сонь я уже видела: умных, колючих девочек, которые рисуют в скетчбуках вместо того чтобы плакать, красят волосы в синий вместо того чтобы кричать и бьют одноклассниц вместо того чтобы сказать отцу: мне тебя не хватает. Фамилия в направлении стояла материнская — Краснова. Отца звали Игорь, он работал главврачом, приходил по выходным. Как будто бы ничего примечательного. Половина моих взрослых клиенток выросла из таких девочек.

— Соня, я не буду заставлять тебя ходить сюда. Это твоё решение. Но у меня есть предложение: три встречи. Если после трёх ты скажешь, что это бесполезно, — я сама напишу в школу, что работа проведена.

Она посмотрела на меня с подозрением, но уже не с враждебностью.

— Три?

— Три. Как серии нового сериала. Если не затянет — бросишь.

Тень усмешки, первая за весь разговор.

— Ладно. Три — это терпимо.

Она ушла, а я осталась с карточкой клиентки: «Краснова София Игоревна, 15 лет, мать — Краснова Елена Павловна, отец — Морозов Игорь Андреевич, контакт…»

Я прочитала строчку. Потом ещё раз, медленнее.

Морозов Игорь Андреевич.

Главврач.

Я достала телефон и открыла сообщение, которое Елена прислала при записи, — там был номер отца «на всякий случай, если понадобится согласие».

Номер Игоря. Моего Игоря.

Цифры совпадали до последней.

Я закрыла карточку и очень аккуратно положила ручку на стол, потому что, если бы не положила, сломала бы.

Глава 4

— Как ваша неделя?

— Рабочая. — Никита привычно растекся по креслу, лениво пожал плечами, вглядываясь в меня пристально. Как будто не он в этот раз клиент, а я у него на приеме. Он говорил о себе, но четко фиксировал все мои реакции. Это было странно и почему-то заставляло нервничать. — Четыре смены, два корпоратива, один девичник. О, на нем было интересное! Невеста расплакалась прямо во время моего номера. Подруги решили, что от восторга, а я решила, что она вообще не хочет замуж.

— А вы часто считываете людей во время выступлений?

— Профдеформация. Вы же тоже, наверное, на вечеринках диагнозы ставите?

Я чуть улыбнулась, он был прав, и мы оба это знали.

— Никита, в прошлый раз мы остановились на инциденте с клиенткой. Я хочу поговорить не о ней, а о том, что происходит после работы. Вы уходите из клуба — и что дальше?

Он чуть двинул плечом, как будто стряхивал что-то невидимое.

— Зависит от ночи. Иногда — домой. Иногда — нет.

— «Иногда нет» — это к кому-то?

— К кому-нибудь или с кем-то куда-нибудь.

Он произнёс это спокойно, без вызова или показной демонстрации в духе «смотри, какой я самец». Нет, это было сказано как констатация, и именно эта ровность меня насторожила. Люди, которые хвастаются количеством связей, обычно компенсируют неуверенность. Люди, говорящие об этом как о привычке чистить зубы, по-настоящему застряли.

— Как часто?

— Каждые два-три дня. Иногда чаще. Зависит от того, насколько паршиво после смены.

— Это всегда разные женщины?

— Да.

— Вы с ними потом общаетесь?

— Нет. То есть иногда кто-то пишет, но я не отвечаю. Это… — он потёр затылок, подбирая слово, — не про общение.

— А про что?

Он склонил голову набок, не переставая меня разглядывать, прищурился, и в его глазах мелькнуло что-то, чего я не видела на первой сессии, — не ирония, не защита, а… растерянность?

— Мне плохо после каждого раза. Не физически, а вот здесь. — Он коротким точным жестом коснулся груди чуть ниже ключицы. — Пустота. Как будто я надеялся, что на этот раз будет по-другому, а оно опять то же самое. И через день я снова ищу кого-то, потому что пустота хуже.

Он описывал зависимость. Не химическую, поведенческую. Секс как способ на двадцать минут почувствовать, что тебя видят, чувствуют, понимают. А потом — провал, и цикл начинается заново.

— Никита, я хочу проговорить одну вещь, не как диагноз, а как рабочую гипотезу. Вы описываете паттерн, который в психологии связывают с нарушением привязанности. Когда в детстве человек не получает стабильного эмоционального контакта, он начинает искать его через тело, потому что это единственный язык близости, который ему знаком.

Он смотрел на меня внимательно, без улыбки.

— Вы мне сейчас диагноз ставите или пытаетесь понять, каково это — когда хотят только тебя?

Фраза попала точно в цель… А он хорош, засранец… Я как раз знала, каково это наоборот. Когда никто не хочет. Когда твоё тело — предмет мебели, функция, часть домашнего расписания между ужином и будильником, а единственный мужчина, который к тебе прикасается, делает это так, будто ставит галочку в списке дел на неделю.

— Я пытаюсь понять и то и другое. — Голос прозвучал ровно, как я и хотела.

— Знаете, что самое смешное? Они все думают, что мне надо хорошенько дать. Каждая следующая на выдумку похлеще предыдущей. Они думают, раз я ходячий секс, значит, в койке надо удивить. А я каждый раз думаю: может, хоть эта не будет выпендриваться, марафоны по выдержке проходить. Но нет, все они одинаковые, ненастоящие. Ни одной из них мне не захотелось сказать, чтоб осталась до утра. Впрочем, ни одна из них и не рискнула попросить об этом. Странно, да?

Я записала: «страх отвержения, парадокс: создаёт условия для ухода, чтобы подтвердить убеждение, что все уходят». Мы поговорили еще немного, и он ушел, как мне показалось, в отличном настроении. А я сидела, глядя на закрытую дверь, и думала о том, что мне нужен супервизор. Но супервизор — это следующая неделя.

А через полтора часа — Соня.

Она пришла со скетчбуком, как и в первый раз, но на этот раз села не скрестив руки, а подтянув колени к груди, и это уже было прогрессом, потому что колени к груди — это «мне тут некомфортно, но я решила остаться», а скрещённые руки — это «пошли вы все».

— Привет.

— Привет. У вас кактус умирает.

— Ты права. Я его, кажется, залила.

— Кактусы нельзя заливать. Они от этого гниют изнутри, а внешне вроде нормально, а потом — бац — и всё, труп.

Она сказала это деловито, не вкладывая скрытого смысла, но я, разумеется, не могла не услышать метафору.

— Рисовала что-нибудь на этой неделе?

Соня открыла скетчбук и пролистнула несколько страниц, а потом остановилась на одной и повернула ко мне. Рисунок карандашом: дом, вид изнутри. Комната с диваном, телевизором, окном, за которым просто белое пространство. На диване — фигура женщины с длинными волосами, правда, лицо было не прорисовано. Рядом с женским персонажем — пустое место, но подушка продавлена, как будто кто-то только что встал.

— Это наша квартира, — сказала она. — Мама вечером.

— А продавленная подушка?

— Это где папа сидит. Когда приходит.

Что ж, продавленная подушка на рисунке пятнадцатилетней девочки — это образ, который никакой учебник не передаст: присутствие через отсутствие, человек, которого ждут, даже когда он ушёл.

Я знала, о ком она говорит, еще с прошлой среды, когда увидела его имя в карточке и сидела, не двигаясь, глядя на номер телефона, который набирала тысячу раз. Я не позвонила мужу в тот вечер и не устроила сцену и даже не полезла проверять. Вместо этого я сделала то, что умею лучше всего: убрала эмоцию в коробку, закрыла крышку и продолжила работать.

— Соня, расскажи мне ещё про папу. Какой он?

— Высокий. Уже совсем седой на висках, но ему идёт. Мама говорит, он был красивый в молодости, и сейчас тоже ничего. — Она усмехнулась и пожала плечами. — Он такой… надёжный на вид. Когда приходит, мама сразу другая становится, улыбается, суетится, готовит что-то вкусненькое. А когда уходит, она опять как эта подушка, забытая и никому не нужная.

— Он приходит по выходным?

— Когда как. Обещает каждую субботу, но иногда звонит и говорит: «Дежурство, не получится». Мама никогда не ругается, а я один раз сказала ему: «Пап, ты хоть раз можешь отменить?» Он погладил меня по голове и сказал: «Сонь, ты же понимаешь, у меня ответственная работа, люди от меня зависят».

Она замолчала, рисуя что-то в углу страницы. Вытянув шею, я увидела маленький кактус с грустным лицом и подумала, что у этой девочки больше наблюдательности, чем у половины моих взрослых клиентов.

— А ты? — спросила я. — Ты от него зависишь?

Соня перестала рисовать, подняла на меня глаза — серые, с чуть рыжими крапинками у зрачка, — и я узнала в них Игоря. Не конкретную черту, форму или цвет, а выражение… Как он смотрел, когда не хотел отвечать на вопрос: внимательно и чуть мимо, будто тебя слышат, но не до конца.

— Нет, я от него не завишу, просто хочу, чтобы он пришёл и остался.

Н-да, пятнадцатилетняя дочь моего мужа сидела в моём кресле и рассказывала о нем, не зная, что он — мой. А я слушала, кивала и делала записи, как будто это нормально и мой мир не перевернулся неделю назад.

Я должна была отказаться от этого случая. Передать Соню коллеге, сослаться на загруженность, да на что угодно. Любой этический кодекс требовал именно этого. Но я не отказалась, и причина была проста: мне нужно было знать. Не как психологу, как женщине, которая двадцать лет спала рядом с мужем и не знала, что у него есть другой дом и семья в нем.

Глава 5

Среда начиналась настолько обычно, что потом, вспоминая, я буду искать в том утре хоть какой-то знак и не найду ничего. Кофе в джезве, Игорь за столом, весь в телефоне, поцелуй в висок на прощание. Наши обычные будни…

— Сегодня буду к девяти, может, закажем что-нибудь? — Он пробормотал привычные слова, так и не отрываясь от смарта.

— Давай. Тайскую?

— Давай тайскую.

Вот и все. Двадцать секунд разговора, из которых десять про лапшу. Я ехала на работу, слушала радио, думала о… Никите. Точнее, о его случае и о том, что на следующей сессии стоит затронуть тему матери, потому что паттерн компульсивных связей почти всегда ведет в детство, и его, вероятнее всего, тоже. Затем я с усилием заставила себя думать о чем угодно, но только не о Соне и ИХ семье.

Она уже привычно пришла в пять, со скетчбуком и в том же худи с капюшоном, но сегодня в ней было что-то другое… какая-то нервная энергия. Она то и дело дергала молнию на рюкзаке и не могла усидеть ровно, все время поджимала и вытягивала ноги.

— Привет, как неделя?

— Нормально, — буркнула она. — Ну, почти.

— «Почти» — это что?

— Концерт школьный был. Я играла на гитаре, в смысле, не прям соло, а в ансамбле, мы делали кавер на одну штуку… Неважно. Короче, папа обещал прийти.

Она замолчала, и мне не нужно было спрашивать, чем закончилась эта история, — я слышала ее десятки раз, в разных версиях, от разных детей. Папа обещал, но папа не пришел. Классический сценарий, от которого у подростков формируется убеждение, что их можно отложить на потом.

— Не пришел?

— Не-а. Позвонил маме за час, сказал: «Срочная операция, никак не вырваться». Мама пришла одна, как всегда, сидела в первом ряду, снимала на телефон. — Соня усмехнулась, и в этой усмешке было столько взрослого… презрения и, что ли, понимания, что мне аж захотелось отвернуться. — Знаете, что бесит? Каждый раз верю, что придет.

— Соня, что ты почувствовала, когда поняла, что он не придет? — Я кивнула и сделала пометку в блокноте, фиксируя слова, пока голова обрабатывала интонацию, позу, мимику. — Ты злишься на него?

— Нет. Да. Не знаю… — Она дернула плечом. — Он потом приехал в воскресенье, привез мне наушники. Дорогие, хорошие. Сказал: «Сонь, прости, я правда не мог». И мы пошли есть мороженое, и все было нормально, он рассказывал про какой-то случай на работе, смешной, и я смеялась, и… — она запнулась, — я думала: вот сейчас хорошо. Вот сейчас он тут, и все хорошо. А потом он уехал, и опять стало… плохо.

— Можешь показать мне его? — спросила я и сама не поняла, зачем. То есть поняла — но та часть мозга, которая отвечала за «зачем», уже работала не как у психолога, а как у женщины, которой нужно знать. — Ты говорила, вы фотографировались в воскресенье.

Это было нарушением протокола. Я никогда не прошу у пациентов фото родственников на третьей сессии — рано, не нужно, нет терапевтического обоснования. Но Соня не знала протокола, она достала телефон, пролистала галерею и повернула экран ко мне с той легкостью, с которой подростки показывают все — для них телефон не хранилище секретов, а продолжение руки.

На фотографии Соня ела мороженое из вафельного стаканчика и щурилась от солнца. Рядом с ней, обнимая ее за плечо, стоял Игорь. Мой муж. В выходном пальто, которое я ему подарила, между прочим… С рукой на плече девочки, которая сидела сейчас в моем кресле и крутила карандаш.

Я смотрела на фотографию, и мир… не рушился. Он складывался как карточный домик, из которого вытащили одну нижнюю карту, — секунда, и вся конструкция оседает внутрь себя, почти без звука.

— Красивый, да? — спросила Соня, и в ее голосе была гордость за отца. — Мама говорит, я на него похожа. Глаза его.

Глаза его…

Да…

— Хорошая фотография. — Внутри не было ничего. Шок работает именно так: организм решает, что чувствовать опасно, и просто обрубает провода. Я объясняла клиентам сотни раз: «В первые минуты вы можете ничего не чувствовать, это нормальная защитная реакция, эмоции придут позже». Теперь я знала это на собственном опыте. — Соня, давай вернемся к концерту. Ты сказала, что каждый раз веришь, что он придет. Почему?

Я продолжала вести сессию.

Задавала вопросы, делала пометки, кивала в нужных местах. Соня сидела в кресле и рассказывала про отца, которого любила и ждала, не зная, что он — мой.

Соне — пятнадцать… К моменту ее рождения мы с Игорем были женаты уже пять лет. Пятнадцать лет назад он подарил мне серьги на годовщину и сказал: «Ты — лучшее, что у меня есть», а у него уже была Лена. И уже была или вот-вот должна была появиться Соня.

С самого начала. Почти с самого начала нашего брака.

— …и он тогда сказал, что летом мы поедем на море, вдвоем, без мамы, потому что маме тяжело с перелетами, — говорила Соня, и я кивала, и записывала, и часть меня думала: он и нас возил на море. Каждый август…

Сессия закончилась в пять сорок пять.

— Соня, ты молодец. До следующей среды.

Она забрала рюкзак, сунула телефон в карман и уже у двери обернулась:

— Вера Сергеевна, а вы правда думаете, что трех сессий хватит?

— Посмотрим, — сказала я. — Может, и больше понадобится.

Она кивнула и вышла, а я закрыла дверь, прошла через кабинет, мимо кресел, мимо стола и книжной полки, где стояла книга из четвертого тиража «Как сохранить брак» — золотые буквы на темно-синей обложке, мое имя и фотография, — и опустилась на пол у стены. Да-да, не упала, не рухнула, а именно опустилась, контролируемо, согнув колени, прислонив затылок к прохладной штукатурке.

Плакать не получалось.

Я сидела и смотрела на свой кабинет — те же кресла, тот же стол, та же лампа с мягким теплым светом, которую я специально выбирала, чтобы пациентам было уютно, — и думала: ничего не изменилось. Вообще ничего. Те же стены, та же я. Просто теперь я знаю… и… что?

Я не позвонила Игорю.

Не смогла. Что бы я ему сказала? «Знаешь, сегодня твоя дочь показала мне вашу фотографию»? «Как давно ты ведешь двойную жизнь — пятнадцать лет или больше?» Любая фраза звучала в голове фальшиво, как реплика из паршивого фильма. А я ненавижу паршивые фильмы!

Я знала — как психолог и как женщина, написавшая книгу про измены и дающая советы о том, как с ними справляться, — что первая реакция не настоящая. Что шок — это буфер, амортизатор, подушка безопасности, а настоящая боль придет позже — через двенадцать, два-

дцать четыре, тридцать шесть часов, когда адреналин схлынет и мозг начнет по-настоящему обрабатывать информацию.

Я это знала. Я про это писала.

На сто двадцать третьей странице моей собственной книги есть абзац: «Если вы узнали об измене партнера, не принимайте решений в первые двое суток. Дайте себе время пережить шок, прежде чем действовать».

Какой полезный совет…

Грамотный, выверенный, профессиональный. Я сидела на полу своего кабинета и думала: интересно, что бы я написала на этой странице, если бы знала, что однажды буду сидеть здесь и проверять свои же рекомендации на практике?

Через полчаса я все так же контролируемо, фиксируя каждое свое движение, поднялась, собрала сумку и поехала домой. Игорь пришел в девять, как обещал, и мы заказали тайскую лапшу. Он рассказывал что-то про нового анестезиолога в клинике, я кивала, и ни один мускул на моем лице не дрогнул…

А ночью я лежала рядом с ним и… считала. Пятнадцать лет — почти пять с половиной тысяч ночей. Сколько из них он лежал вот так, рядом со мной, и думал о Лене? А о Соне? О том, что в субботу нужно не забыть заехать к ним, а мне сказать про дежурство?

Я не заснула. К четырем утра шок начал отступать, и под ним обнаружилось то, чего я боялась: не злость, не ревность и даже не жажда мести, а вопрос. Не «как он мог?», а «как я, психолог с двадцатилетним стажем, не заметила?».

К шести утра я встала, пока Игорь еще спал, прошла в ванную и села в пустую ванну прямо в пижаме. Включила воду — холодную, потому что горячая грела бы, а я не хотела тепла, я хотела что-нибудь почувствовать, хоть что-нибудь, кроме этой ватной, душной пустоты, забивающей мне горло и не дающей ни плакать, ни кричать.

Вода намочила штанины, поднялась до колен… Шок прошел, а под ним оказался стыд, от которого хотелось содрать с себя кожу. Стыд за себя и за те тысячи часов, проведенных в кресле напротив клиентов: я учила их видеть то, что сама не разглядела в собственной спальне.

Где-то за стеной зазвонил будильник Игоря — семь ноль-ноль, как каждое утро. Сейчас он встанет, примет душ, наденет чистую рубашку, сядет за стол, откроет телефон. Может быть, напишет Лене: «Доброе утро»?

А потом спустится на кухню и спросит: «Кофе готов?» — и я скажу «да», потому что кофе всегда готов, потому что я надежная, потому что я — функция.

Я переоделась, высушила волосы, сварила кофе. Игорь спустился, сел за стол, открыл телефон.

— Доброе утро, — сказал он, не отрываясь от смарта.

— Доброе. — Я поставила перед ним чашку.

Глава 6

Ещё три дня я ждала. Не потому, что готовила речь. Просто хотела убедиться, что говорить буду я, а не мой аффект. Разница между ними примерно такая же, как между скальпелем и топором: результат похож, но последствия — нет.

За эти три дня я сделала несколько вещей. Позвонила адвокату — Ирине Калач, с которой мы пересекались на конференции по медиации и которая, по слухам, вела бракоразводные процессы с хирургической элегантностью. Сходила к нотариусу, сняла копии документов на квартиру. Проверила совместные счета. Все это я делала в перерывах между сессиями, как будто организовывала переезд, а не демонтаж собственной жизни.

На четвертый день, в субботу, когда Игорь обычно ездил «в клинику проверить пациентов» (а на самом деле к Лене, я теперь это знала), он вернулся в шестом часу, повесил пальто и, потянувшись, сказал:

— Закажем суши?

Я стояла у кухонного стола, на котором лежала карточка клиентки «Краснова София Игоревна», раскрытая на странице, где был записан контактный номер отца.

— Сядь, пожалуйста.

Он посмотрел на меня и, надо отдать ему должное, видимо, понял сразу. Не по голосу даже, а по чему-то в моей позе. Двадцать лет — это много; за двадцать лет даже самый невнимательный человек учится считывать своего партнера, хотя бы на уровне «опасность / не опасность». И он понял: опасность.

— Что случилось?

— Сядь, Игорь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.